

ПОПУТАЙ ФЛОБЕРА

Большой роман (Аттикус)

Джулиан Барнс

Попугай Флобера

«Азбука»

1984

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Барнс Д. П.

Попугай Флобера / Д. П. Барнс — «Азбука», 1984 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-13856-8

Лауреат Букеровской премии Джулиан Барнс — один из самых ярких и оригинальных прозаиков современной Британии, автор таких международных бестселлеров, как «Шум времени», «Предчувствие конца», «Артур и Джордж», «История мира в 10 ½ главах» и многих других. Возможно, основной его талант — умение легко и естественно играть стилями и направлениями. Тонкая стилизация и едкая ирония, утонченный лиризм и доходящий чуть ли не до цинизма сарказм, агрессивная жесткость и веселое озорство — Барнсу подвластно все это и многое другое. «Попугай Флобера» — первая из книг Барнса, вошедших в шорт-лист Букеровской премии, — это «восхитительный роман, насыщающий ум и душу» (Джозеф Хеллер); это «подлинная жемчужина — роман настолько литературный и в то же время беззастенчиво увлекательный» (Джон Ирвинг). Сквозь призму биографии Флобера Барнс пытается ответить на вопрос, что важнее для нас, читателей, — книги автора или его жизнь? Если книги, тогда почему творчество писателя заставляет нас буквально охотиться за мельчайшими фактами его жизни? Почему мы верим, что чучело флоберовского попугая способно дать ключ к пониманию всего, что написано французским классиком?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13856-8

© Барнс Д. П., 1984

© Азбука, 1984

Содержание

1. Попугай Флобера	9
2. Хронология	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Джулиан Барнс Попугай Флобера

Julian Barnes
FLAUBERT'S PARROT
Copyright © 1984 by Julian Barnes
All rights reserved

Перевод с английского Александры Борисенко, Виктора Сонькина
Оформление обложки Вадима Пожидаева
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© А. Л. Борисенко, В. В. Сонькин, перевод, 2020
© В. В. Сонькин, примечания, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017 Издательство Иностранка®

* * *

Тонкий юмор, отменная наблюдательность, энергичный слог – вот чем Барнс давно пленил нас и продолжает пленять.

The Independent

В своем поколении писателей Барнс, безусловно, самый изящный стилист и самый непредсказуемый мастер всех мыслимых литературных форм.

The Scotsman

Джулиан Барнс – хамелеон британской литературы. Как только вы пытаетесь дать ему определение, он снова меняет цвет.

The New York Times

Как антрепренер, который всякий раз начинает дело с нуля, Джулиан никогда не использует снова тот же узнаваемый голос... Опять и опять он изобретает велосипед.

Джей Макинерни

Лишь Барнс умеет с таким поразительным спокойствием, не теряя головы, живописать хаос и уязвимость человеческой жизни.

The Times

По смелости и энергии Барнс не имеет себе равных среди современных британских прозаиков.

New Republic

Современная изящная британская словесность последних лет двадцати – это, конечно, во многом именно Джулиан Барнс.

Российская газета

Тонкая настройка – ключевое свойство прозы букеровского лауреата Джулиана Барнса. Барнс рассказывает о едва уловимом – в интонациях, связях,

ощущениях. Он фиксирует свойства «грамматики жизни», как выразится один из его героев, на диво немногословно... В итоге и самые обыденные человеческие связи оборачиваются в его прозе симфонией.

Майя Кучерская (Psychologies)

«Попугай Флобера» – восхитительный роман, насыщающий ум и душу... Это книга, которой нужно упиваться.

Джозеф Хеллер

Подлинная жемчужина – роман настолько литературный и в то же время беззастенчиво увлекательный. Bravo!

Джон Ирвинг

Бесконечный источник пищи для размышлений – и стилистический восторг. Шедевр в буквальном смысле слова.

Жермен Грир

Открываешь роман – и невозможно оторваться... Завораживающе, по-настоящему оригинально.

Филип Ларкин

При всей бездне заложенной в «Попугая Флобера» эрудиции, читая эту книгу, невозможно удержаться от смеха. Никогда не знаешь, что Барнс выкинет на следующей странице.

Daily Express

«Попугай Флобера» – захватывающая и в то же время очень веселая книга. Возможно, это самый остроумный антироман со времени «Бледного огня» Набокова. Барнса недаром сравнивают с такими писателями, как Джойс и Кальвино.

Boston Globe

Этот роман – почти нон-фикшн, а именно – очень затейливо аранжированная биография Флобера; коллекция эссе об авторе «Бовари»: его чувстве стиля, женщинах, отношениях с железной дорогой, животными и т. д. Конечная цель исследований безупречна: рассказчик пытается выяснить подлинность чучела попугая, якобы стоявшего у Флобера на письменном столе в течение трех недель.

Оммаж Флоберу исполнен с технической точки зрения потрясающе артистично. Барнс не жонглирует цитатами, подгоняя их под эффектные теории: он медленно копошится в классических флоберовских метафорах, смакуя, обсасывает цитаты и очень сдержанно, неагрессивно, без ролан-бартовских разоблачений, разбирает некоторые флоберовские пассажи. Как Бувар и Пекюше, он переписывает факты и снабжает их своими замечаниями, вплетая попутно сюжеты и метафоры из самого Флобера.

Лев Данилкин (Афиша)

Барнс выбирает всякие бытовые подробности из жизни Флобера, и располагает их так, что получается не только биографический роман о великом писателе, но и эстетический трактат, и картина провинциальной французской жизни как в его, так и в наше время, и собрание всяких забавных мелочей – то, что американцы называют «тривиа», и своего рода пародия – не на

Флобера, а на литературу вообще – с одновременным апофеозом литературы, искусства как чего-то высшего жизни. И тут же – разоблачение литературы, деконструкция, и новое ее вознесение в этом ироническом принижении.

Борис Парамонов (Радио «Свобода»)

Неудивительно, что для своего романа английский писатель выбрал именно фигуру Флобера, ведь сам Барнс разделяет его эстетические воззрения о взаимодействии произведения и автора. Как и Флобер, Барнс настаивает на том, что произведение самоценно и должно восприниматься без оглядки на личность и жизненные перипетии творца.

Все должно одинаково приниматься во внимание и одинаково подвергаться сомнению – и версия ученого, и версия дилетанта. Мир не может быть исчерпывающе объяснен ни одной из версий, взятой отдельно, только их взаимосвязь отражает его наиболее полно. Не существует никаких авторитетов, которые должны восприниматься как носители безусловной истины. Такое отношение к «авторитетному высказыванию» лежит в основе ставшей уже знаменитой барнсовской иронии.

Иностранная литература

«Попугай Флобера» – роман, принесший автору первую славу и первую номинацию на Букера, – представлял собой постмодернистский опус, в котором через историю жизни страстного поклонника Гюстава Флобера детально рассматривалась природа фанатизма.

Итоги

Барнс одержим смертью; точнее, он потрясен тем, что она существует. Отсюда и сюжет лучшего его романа «Попугай Флобера»: протагонист путешествует по местам и временам жизни и творчества нормандского мученика стиля, пытаясь то ли заслонить, то ли объяснить себе совсем иной сюжет – смерть своей жены. Попугай (пародия на Святой Дух во флоберовском «Простом сердце») в барнсовском романе становится жутковатым символом назойливой памяти вдовца и болтливое призвания беллетриста. В сущности, все остальные книги Барнса будто написаны этим самым попугаем Флобера, чучело которого разыскивал герой одноименного романа. А сам Барнс, помешанный на авторе «Саламбо» и «Буvara и Пекюше», – чем он не попугай Флобера?

Кирилл Кобрин (Октябрь)

Посвящается Пат

*Биографию друга надо писать так, словно ты за него мстишь.
Флобер. Из письма к Эрнесту Фейдо, 1872*

1. Попугай Флобера

Шестеро североафриканцев играют в шары под статуей Флобера. Звонкие удары перебивают глухой ропот уличной пробки. Коричневая рука посылает вперед серебряную сферу – прощальным, ироничным, ласкающим движением пальцев. Шар приземляется, тяжело подсакивает, прочерчивает борозду в медленно оседающей твердой пыли. Бросающий остается стоять изящной временной статуей: колени не до конца выпрямлены, правая ладонь самозабвенно раскрыта. Закатанные рукава белой рубашки, голая до локтя рука, клякса на запястье. Не часы, как я вначале подумал, не татуировка, а цветная переводная картинка: лицо политика-пророка, которого так уважают в пустыне.

Давайте начнем со статуи: той, что наверху, не временной, не изящной, с бронзовыми дорожками слез, с небрежно повязанным галстуком, в жилете и мешковатых брюках, с отвисшими усами; глядящей холодно и недоверчиво. Взгляд писателя направлен на юг, от площади Кармелитов к собору, поверх презираемого им города, который был равнодушен к нему в ответ. Голова заносчиво поднята – только голуби могут увидеть его лысину в полном объеме.

Это не та статуя, что была вначале. Немцы забрали первого Флобера в 1941 году, вместе с оградами и дверными молотками. Возможно, его переплавили на кокарды. Лет десять пьедестал стоял пустой. Потом мэр Руана, большой любитель памятников, обнаружил гипсовую форму – сделанную русским скульптором по имени Леопольд Бернштам¹, – и городской совет одобрил отливку новой статуи. Руан приобрел солидный металлический памятник – девяносто три процента меди, семь процентов олова: литейная фирма Рюдье из Шатийон-су-Баньё² заверяет, что такой сплав – гарантия против ржавчины. Два других города, Трувиль³ и Барантен⁴, внесли в проект свою лепту и получили каменные статуи. Эти оказались менее прочными. В Трувиле Флоберу пришлось подлатать бедро, и кончики усов у него отвалились, так что из бетонных обломков над верхней губой, словно прутья, торчат куски проволочного каркаса.

Может быть, литейщики не врут, может быть, эта вторая статуя окажется долговечной. Но я не вижу особых оснований для такой уверенности. Ничто, имевшее отношение к Флоберу, не отличалось долговечностью. Он умер немногим более ста лет назад, и все, что осталось от него, – это бумага. Бумага, идеи, фразы, метафоры, чеканная проза, готовая зазвучать. Это, кстати, именно то, чего он сам бы и хотел; сентиментальные жалобы – удел его почитателей. Дом писателя в Круассе снесли вскоре после его смерти, и на его месте построили фабрику, где извлекают спирт из подпорченной пшеницы. Не так уж трудно избавиться и от его изображения: если один мэр, любитель статуй, смог поставить памятник, другой – к примеру, какой-нибудь партийный начетчик, который знает о Флобере только то, чего нахватался из Сартра, – может с тем же рвением его убрать.

Я начал с памятника, поскольку именно с него началось мое паломничество. Почему литература заставляет нас преследовать литератора? Почему мы не можем оставить его в покое? Разве книг недостаточно? Флобер хотел, чтобы было достаточно: мало кто из писателей так верил в объективную реальность текста и незначительность личности автора; и все-таки мы упрямо ищем эту личность. Образ, лицо, подпись; статуя из девяноста трех процен-

¹ *Леопольд Бернштам* (Леопольд Адольфович Бернштам [Бернштамм], 1859–1939) – российский скульптор, автор многочисленных бюстов и памятников. С 1885 года жил во Франции.

² ...*литейная фирма Рюдье из Шатийон-су-Баньё*... – Основатели литейной фирмы Рюдье, братья Франсуа, Виктор и Алексис Рюдье, прославились благодаря сотрудничеству с Огюстом Роденом. Шатийон-су-Баньё (ныне Шатийон) – пригород Парижа.

³ *Трувиль* (официальное название Трувиль-сюр-Мер) – город в Нормандии, в департаменте Кальвадос.

⁴ *Барантен* – город в Нормандии, в департаменте Приморская Сена.

тов меди и фотография Надара⁵; лоскут одежды, прядь волос. Отчего нас так тянет к реликвиям? Разве мы недостаточно верим словам? Или приметы прожитой жизни содержат в себе какую-то дополнительную правду? Когда умер Роберт Льюис Стивенсон, его предприимчивая шотландская няня начала понемногу продавать волосы, которые она якобы срезала с головы писателя за сорок лет до того. Верящие, ищущие, идущие по следу купили столько этих волос, что их хватило бы для набивки дивана.

Я решил отложить Круассе на потом. Я приехал в Руан на пять дней, и детский инстинкт подсказывал оставить лучшее на десерт. Не этот ли импульс иногда руководит писателями? Подожди, подожди, лучшее еще впереди? Если так, то как же мучительно-дразнящи неоконченные книги. Две такие сразу приходят на ум: «Бувар и Пекюше», где Флобер хотел объять и покорить весь мир, со всеми человеческими стремлениями и неудачами; и «Идиот в семье», где Сартр хотел объять всего Флобера, объять и покорить главного писателя, главного буржуа, стихию, врага, пророка. Инсульт прервал первый из двух проектов, слепота положила конец второму.

Когда-то я сам хотел написать книгу. У меня были идеи, я даже делал заметки. Но я работал врачом, у меня были жена и дети. Хорошо можно делать только что-то одно: Флобер знал это. Я был хорошим врачом. Моя жена... умерла. Мои дети разлетелись; они пишат мне, когда их замучает совесть. У них своя жизнь, это естественно. «Жизнь! Жизнь! Главное – чтоб стояло!» – прочитал я на днях у Флобера. От этого восклицания я почувствовал себя каменной статуей с залатанным бедром.

Ненаписанные книги? Не стоит о них жалеть. На свете и так слишком много книг. Кроме того, я помню конец «Воспитания чувств». Фредерик и его друг Делорье оглядываются на прожитую жизнь. Их лучшее воспоминание – о том, как они еще школьниками пришли в бордель. Они тщательно планировали визит, специально завивали волосы и даже наворовали цветов для девочек. Но когда они пришли в бордель, Фредерик струсил, и оба убежали. Это был лучший день в их жизни. Флобер заставляет нас задаться вопросом: разве ожидание удовольствия – не самое надежное из удовольствий? К чему карабкаться на безрадостный чердак свершения?

Я провел первый день, бродя по Руану, пытаюсь узнать тот город, по которому прошел в 1944 году. Конечно, тогда многие районы были разрушены бомбами и снарядами, да и сейчас, через сорок лет, собор все еще ремонтируется. Не очень-то мне удалось раскрасить свои монохромные воспоминания. На следующий день я поехал на запад, в сторону Кана⁶, а потом на север – к побережью. Следуешь советам обшарпанных оловянных указателей, которые установило *Ministère des Travaux Publics et des Transports*⁷. Вот сюда – к *Circuit des Plages de Débarquement*⁸: туристический маршрут по местам боевой славы. К востоку от Арроманша – пляжи, куда высадились британские и канадские войска: Голд, Джуно, Сорд. Не слишком звучные имена; гораздо менее запоминающиеся, чем Омаха или Юта⁹. Если, конечно, считать, что события запоминаются благодаря словам, а не наоборот.

Грей-сюр-Мер, Курсель-сюр-Мер, Вер-сюр-Мер, Анель, Арроманш¹⁰. По крошечным переулкам неожиданно доходишь до *Place des Royal Engineers*¹¹ или *Place W. Churchill*¹². Ржавые

⁵ Надар, Феликс (настоящее имя Гаспар Феликс Турнашон, 1820–1910) – французский фотограф, карикатурист и воздухоплаватель, автор самых знаменитых фотографических портретов XIX века.

⁶ Кан (Caen) – приморский город в департаменте Кальвадос, столица Нижней Нормандии.

⁷ *Ministère des Travaux Publics et des Transports* – Министерство коммунального строительства и транспорта (фр.).

⁸ *Circuit des Plages de Débarquement* – маршрут по пляжам высадки (подразумевается десант союзников) (фр.).

⁹ Омаха, Юта – кодовые названия мест высадки американских войск 6 июня 1944 года.

¹⁰ Грей-сюр-Мер, Курсель-сюр-Мер, Вер-сюр-Мер, Анель, Арроманш – городки на побережье Нормандии, возле которых в июне 1944 года высаживались британские войска.

¹¹ *Place des Royal Engineers* – площадь Королевских Инженеров (фр.). Корпус Королевских Инженеров – инженерно-саперный корпус Британских вооруженных сил. В нынешнем виде существует с 1856 года. Помимо участия во всех войнах специалисты корпуса построили многие известные здания в Великобритании и в колониях, включая лондонский Альберт-холл.

танки несут караул у пляжных домиков; бетонные монументы, вроде корабельных труб, провозглашают по-английски и по-французски: «Здесь 6 июня 1944 года благодаря героизму союзников была освобождена Европа». Здесь тихое место, совсем не зловещее. В Арроманше я бросил две однофранковые монетки в *Télescope Panoramique (Très Puissant 15/60 Longue Durée)*¹³, чтобы проследить изгиб морзянки Малберри-Харбор¹⁴ далеко в море. Точка, тире, тире, тире – бетонные кессоны торчат из водной глади. Сейчас эти квадратные обломки войны захвачены бакланами.

Я пообедал в *Hôtel de la Marine*¹⁵ с видом на гавань. Здесь, совсем близко, погибли мои друзья – те годы принесли с собой неожиданные дружбы, – и все-таки я оставался равнодушен. Пятидесятая бронетанковая дивизия, Вторая британская армия. Из укрытия выползли воспоминания, но не эмоции; не было даже воспоминаний об эмоциях. После обеда я пошел в музей и посмотрел фильм о десанте, потом проехал девять километров до Байе, чтобы отдать дань другому десанту, пересекавшему Ла-Манш девятью веками ранее. Гобелен королевы Матильды как горизонтальное кино¹⁶ – кадры идут вплиты друг к другу. Оба события кажутся одинаково неправдоподобными: одно слишком отдаленное, чтобы быть правдой, другое слишком знакомое, чтобы быть правдой. Как удержать прошлое? Возможно ли это вообще? Когда я был студентом-медиком, на танцах в конце семестра какие-то шутники запустили в зал поросенка, обмазанного жиром. Он проскальзывал между ногами, выворачивался из рук, истошно визжал. Люди падали, пытаясь поймать его, и выглядели при этом довольно глупо. Прошлое часто ведет себя, как этот поросенок.

На третий день в Руане я отправился в Отель-Дьё – больницу, в которой отец Флобера был главным хирургом и где прошло детство писателя. Путь туда пролегает по авеню Гюстава Флобера, мимо типографии «Флобер» и закусочной «Ле Флобер» – заблудиться мудрено. У больницы припаркован большой белый хетчбэк «пежо», весь в синих звездах, с номером телефона и надписью *AMBULANCE FLAUBERT*¹⁷. Писатель как целитель? Едва ли. Вспоминается, как Жорж Санд по-матерински упрекнула младшего коллегу. «Ты даришь опустошение, – писала она, – а я – утешение». Надо было написать на «пежо» *AMBULANCE GEORGE SAND*.

В Отель-Дьё меня встретил вертлявый худой *gardien*¹⁸ – неожиданно в белом халате. Он явно не был ни врачом, ни фармацевтом, ни крикетным судьей. Белые одежды предполагают стерильность и чистоту суждений. Зачем они музейному зрителю? Чтобы защитить от микробов детство Флобера? Он объяснил, что музей отчасти посвящен Флоберу, а отчасти – истории медицины, а затем торопливо провел меня по залам, с шумной деловитостью запирая за нами двери. Мне показали комнату, где родился Флобер, флакон из-под его одеколона, его табакерку, его первую журнальную статью. Разнообразные изображения писателя демонстри-

¹² Place W. Churchill – площадь Уинстона Черчилля (фр.).

¹³ *Télescope Panoramique (Très Puissant 15/60 Longue Durée)* – панорамный телескоп (мощный, продолжительного действия) (фр.).

¹⁴ *Малберри-Харбор* – тип искусственной гавани. Две гавани такого типа были построены королевскими инженерами в ходе подготовки к высадке в Нормандии; частично сохранилась только гавань в Арроманше.

¹⁵ *Hôtel de la Marine* – отель де ля Марин, «гостиница в гавани» (фр.).

¹⁶ ...*проехал девять километров до Байе, чтобы отдать дань другому десанту, пересекавшему Ла-Манш девятью веками ранее. Гобелен королевы Матильды как горизонтальное кино...* – Байе (Baieux) – город в департаменте Кальвадос. В музее этого города хранится знаменитый ковер (также известный как гобелен) из Байе – льняное полотно длиной почти 70 метров, на котором вышиты эпизоды норманнского завоевания Англии, вплоть до битвы при Гастингсе (1066), в которой норманнский герцог Вильгельм I (впоследствии известный как Вильгельм Завоеватель) одержал победу над англосаксонскими войсками короля Гарольда II. Королева Матильда Фландрская – жена Вильгельма Завоевателя; по легенде, именно она была заказчицей гобелена.

¹⁷ *AMBULANCE FLAUBERT* – скорая помощь «Флобер»; *AMBULANCE GEORGE SAND* – скорая помощь «Жорж Санд» (фр.). Жорж Санд (настоящее имя Амантина Аврора Люсиль Дюпен, баронесса Дюдеван, 1804–1876) – французская писательница.

¹⁸ *Gardien* – смотритель (фр.).

ровали разительную перемену, которую претерпел миловидный юноша, превратившись в рыхлого лысеющего буржуа. Одни говорят – сифилис. Обычное для XIX века старение, возражают другие. А может быть, его тело обладало чувством такта: как только дух объявил, что безвременно состарился, плоть тут же подстроилась. Я все время напоминаю себе, что волосы у него были светлые – на фотографиях все кажутся брюнетами.

В других комнатах выставлены медицинские инструменты XVIII и XIX веков – тяжелые металлические реликвии с заостренными краями, клизмы такого размера, что даже я прихожу в недоумение. Медицина в те времена, должно быть, была делом дерзким, безнадежным, кровавым; это теперь все пилюли да бюрократия. Или просто прошлое всегда колоритнее настоящего? Я изучал в свое время докторскую диссертацию брата Гюстава, Ашиля. Она называлась «Некоторые соображения по поводу операции на ущемленной грыже». Братская параллель – диссертация Ашиля стала метафорой Гюстава: «Сквозь идиотизм моей эпохи я чувствую волны ненависти, которая меня душит. Она выплескивается дерьмом мне в рот, как при ущемленной грыже. Но я хочу сохранить, удержать, укрепить ее. Я сделаю из нее пасту и вымажу девятнадцатый век, как покрывают навозом индийские пагоды».

Соединение этих двух музеев вначале кажется странным. Однако оно наполнилось смыслом, когда я вспомнил знаменитую карикатуру Лемо, где Флобер препарирует Эмму Бовари. Писатель держит на длинной вилке кровоточащее сердце, которое он с триумфом вырвал из груди героини. Он демонстрирует этот орган, словно уникальный хирургический экспонат, а слева на картинке чуть видны ноги лежащей на столе истерзанной Эммы. Писатель-мясник, чувствительная скотина.

Потом я увидел попугая. Он сидел в маленькой нише, ярко-зеленый, остроглазый, любознательно склонив голову набок. Надпись на его насесте гласила: «*Psittacus*¹⁹. Этого попугая Флобер позаимствовал в Музее Руана и держал на своем письменном столе во время написания „Простой души“, где его зовут Лулу и он принадлежит Фелисите, главной героине произведения». Изложенные факты подтверждаются ксерокопией письма Флобера: попугай, пишет он, провел на его столе три недели, и вид птицы уже начал его раздражать.

Лулу отлично сохранился, перья все такие же яркие и вид такой же раздражающий, как, наверное, и сто лет тому назад. Я смотрел на птицу и, к своему удивлению, чувствовал живую связь с писателем, который столь надменно отказал потомкам в праве интересоваться им как личностью. Его памятник – всего лишь дубликат, его дом снесен, а книги, само собой, живут собственной жизнью – отклик на них не относится к автору. Но этот обыкновенный зеленый попугай, чудом сохранившийся в обыкновенном музее, внезапно заставил меня почувствовать, что я почти знаком с Флобером. Я был растроган и обрадован.

По пути домой я купил учебное издание «Простой души». Вы, наверное, знаете, о чем это. Это повесть о бедной необразованной служанке по имени Фелисите, которая полвека служила своей госпоже, кротко жертвуя собственной жизнью ради других. Она по очереди привязывается то к вероломному жениху, то к детям хозяйки, то к племяннику, то к старику с опухолью на руке. Все они так или иначе уходят из ее жизни: умирают, уезжают, просто забывают о ней. Неудивительно, что чаяния религии приходят на помощь отчаянной жизни.

Последним звеном в убывающей цепи привязанностей Фелисите становится Лулу, попугай. Когда и Лулу в свой черед умирает, Фелисите отдает набить из него чучело. Она не расстается с этой реликвией и даже молитвы шепчет, встав на колени перед птицей. В ее простой душе рождается некоторая теологическая путаница: она думает, не лучше ли изображать Святого Духа не в виде голубя, как это обычно делают, а в виде попугая? Логика, бесспорно, на ее стороне: попугаи и Святые Духи могут говорить²⁰, а голуби – нет. В конце повести и сама

¹⁹ *Psittacus* – попугай (лат.).

²⁰ ...*Святые Духи могут говорить*... – В Деяниях апостолов (2: 4) об апостолах, собравшихся на пятидесятый день после

Фелисите умирает. «Губы ее сложились в улыбку. Сердце билось все медленнее, все невнятнее, все слабее – так иссякает фонтан, так замирает эхо. И когда Фелисите испускала последний вздох, ей казалось, что в разверстых небесах огромный попугай парит над ее головой».

Тон повествования здесь жизненно важен. Представьте себе, как технически трудно написать историю, в которой плохо набитое чучело птицы с дурацким именем становится воплощением одной трети Святой Троицы, и при этом у автора нет намерения впасть в сентиментальность, сатиру или богохульство. Представьте, что эту историю к тому же нужно рассказать с точки зрения невежественной старухи, да так, чтобы она не звучала ни уничижительно, ни жеманно. Ведь цель «Простой души» совсем не в этом: попугай – это пример блестящего, выверенного флюберовского гротеска.

Мы можем, если захотим (и если послушаемся Флобера), снабдить птицу разными интерпретациями. Например, можем провести параллели между жизнью преждевременно состарившегося романиста и жизнью своевременно состарившейся Фелисите. (Критики уже наускивают своих хорьков.) Оба были одиноки, жизнь обоих была омрачена потерями, оба проявили стойкость перед лицом тоски. Те, кто хочет пойти еще дальше, могут сказать, что эпизод, когда Фелисите сбивает почтовая карета по дороге на Онфлер, – тонкий намек на первый эпилептический припадок Флобера, приключившийся с ним на дороге возле Бур-Ашара. Не знаю. Насколько тонким должен быть намек, чтобы порваться?

По крайней мере в одном принципиальном вопросе Фелисите – полная противоположность Флоберу. Она почти лишена дара речи. Но можно возразить, что потому и появляется Лулу. Попугай, наделенный даром речи; диковинная тварь, способная издавать человеческие звуки. Неслучайно ведь Фелисите путает попугая со Святым Духом, дарителем языков.

Фелисите + Лулу = Флобер? Не совсем, но можно сказать, что его черты есть в них обоих. Фелисите достался его характер, Лулу – голос. Можно сказать, что попугай, обладающий даром членораздельной речи практически без всяких умственных способностей, – это Чистое Слово. Будь вы французским профессором, вы бы сказали, что он – *un symbole de Logos*²¹. Будучи англичанином, я торопливо возвращаюсь к телесному: к этому лощеному бойкому созданию, которого я видел в Отель-Дьё. Я представляю, как Лулу сидит у Флобера на письменном столе и смотрит на него, словно насмешливое отражение в кривом зеркале. Неудивительно, что три недели этого пародийного присутствия вывели Флобера из себя. Разве писатель не подобен ученому попугаю?

На этом этапе стоит, видимо, рассказать о четырех главных встречах писателя с членами попугайского семейства. В тридцатых, во время ежегодных каникул в Трувиле, Флоберы регулярно навещали отставного капитана по имени Пьер Барбей; согласно свидетельствам, среди его домочадцев был великолепный попугай. В 1845 году Гюстав проезжал через Антиб по пути в Италию и встретил большого длиннохвостого попугая, который удостоился упоминания в его дневнике; хозяин осторожно возил попугая на краю своей телеги, а во время обеда заносил его в помещение и устраивал на каминной доске. В дневнике отмечена «странная любовь» между птицей и человеком. В 1851 году, возвращаясь с Востока через Венецию, Флобер видел, как попугай в золотой клетке кричит на весь Гранд-канал, подражая гондольеру: «*Fà eh, capo die*»²².

Воскресения (праздник Пятидесятницы), сказано: «И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать».

²¹ *Un symbole de Logos* – символ Логоса (фр.).

²² «*Fà eh, capo die*» – Из письма Флобера к Максиму Дюкану от 30 мая 1851 года: «В одном из домов на Гранд-канале в позолоченной клетке сидит попугай; за окном – белые занавески с бахромой по краям. Этот попугай подражает крику гондольеров: „*Fà eh, capo die*“, – и крик разносится далеко над водой». Опрос специалистов по итальянскому языку, итальянцев и носителей венецианского диалекта не прояснил, что именно значит это восклицание. Итальянская знакомая Дж. Барнса Сильвия Альбертацци даже просила знакомых французов произнести эту фразу, в надежде, что с французским акцентом она станет понятнее. В конце концов госпожа Альбертацци получила ответ от профессионального гондольера. «Мне кажется, это одна из стандартных фраз, которые мы выкрикиваем, повторяя одни и те же движения целыми днями. Сейчас некоторые

В 1853 году Флобер снова был в Трувиле и снимал жилье у аптекаря; там ему не давал покоя попугай, постоянно скрипевший: «*As-tu déjeuné, Jako?*»²³ и «*Cocu, mon petit coco*»²⁴. Кроме того, надоедливое создание насвистывало «*J'ai du bon tabac*»²⁵. Была ли одна из этих четырех птиц – целиком или отчасти – прототипом Лулу? И видел ли Флобер хоть одного живого попугая между 1853 и 1876 годом, когда он позаимствовал чучело из Музея Руана? Такие вопросы я оставляю профессионалам.

Я сидел на кровати у себя в гостинице; из соседней комнаты раздавался телефонный звонок, подражающий всем прочим телефонным звонкам. Я думал о попугае в нише, в полумиле отсюда. Нахальная птица, вызывающая привязанность и даже благоговение. Что сделал с ней Флобер, закончив «Простую душу»? Упрятал в шкаф и не вспоминал о ее раздражающем существовании, пока не полез за теплым пледом? А потом, четыре года спустя, когда он лежал на диване, умирая от апоплексического удара, – представлял ли он, как вверху парит огромный попугай – на этот раз не встреча со Святым Духом, а прощание со Словом?

«Я страдаю склонностью к метафорам, явно избыточной. Сравнения одолевают меня, как вши, я только и успеваю, что давить их». Слова легко приходили к Флоберу, но он видел внутреннюю неадекватность Слова. Помните его печальное определение из «Госпожи Бовари»: «Человеческая речь подобна разбитому котлу, и на нем мы выстукиваем мелодии, под которые впору плясать медведям, хотя нам-то хочется растрогать звезды». Так что выбор за вами: можете считать Флобера придиричивым и тонким стилистом или человеком, видевшим трагическую недостаточность языка. Последователи Сартра предпочитают второй вариант, для них Лулу, бездумно повторяющий услышанные фразы, – это косвенное признание писателя в собственном бессилии. Попугай/писатель смиренно принимает язык как данность, косную и повторяющуюся. Сам Сартр упрекал Флобера за пассивность, за веру (или соучастие в вере) в то, что *on est parlé* – все уже сказано.

Означает ли этот дрожащий звук, что еще один тонкий намек того и гляди порвется? В какой-то момент вдруг понимаешь, что слишком многое вчитал в историю, – именно тогда чувствуешь себя особенно незащищенным, одиноким и даже, может быть, глуповатым. Ошибается ли критик, считая Лулу символом Слова? Ошибается ли читатель – или, хуже того, впадает в сентиментальность, – когда считает попугая в Отель-Дьё образом авторского голоса? Я, во всяком случае, считал именно так. Может, это делает меня таким же простаком, как Фелисите.

Но как бы вы ни называли «Простую душу» – повестью ли, текстом, – она эхом отдаётся в мозгу. Позвольте мне процитировать Дэвида Хокни²⁶, который пишет, несколько сбивчиво, но искренне, в автобиографии: «Эта вещь произвела на меня большое впечатление, я почувствовал, что могу вникнуть в такой сюжет и как следует его использовать». В 1974 году мистер Хокни создал две гравюры: бурлескная версия Заграницы в представлении Фелисите (воровато крадущаяся обезьяна с перекинутой через плечо женщиной) и безмятежная сцена: спящая Фелисите с Лулу. Может быть, со временем он нарисует еще.

коллеги кричат „i gâ“, а им отвечают „ti i gâ“; в прошлом году модно было кричать „sugamani bagnai“. „Fà eh“ – это примерно „что за дела“, а „саро die“ больше всего похоже на ругательство; такое часто можно услышать на венецианских паромках».

²³ «*As-tu déjeuné, Jako?*» – «Ты позавтракал, Жако?» (фр.)

²⁴ «*Cocu, mon petit coco*» – «Рогоносец, маленький мой» (фр.).

²⁵ «*J'ai du bon tabac*» – «У меня хороший табачок» (фр.).

²⁶ Дэвид Хокни (р. 1937) – британский художник, один из крупнейших представителей современного искусства. Много экспериментировал с техникой фотоколлажа, комбинируя снимки, сделанные фотоаппаратом «Поляроид», в своего рода кубистические композиции. Некоторые его живописные произведения тоже представляют собой отдельные картины, складывающиеся в гигантское единое полотно – например, «Большой Большой каньон» (куплен Национальной галереей Австралии за 4,6 миллиона долларов). В последние годы много работает в программе *Brushes* на платформах *iPhone* и *iPad*. В 2012 году Королевская академия провела персональную выставку Хокни под названием «A Bigger Picture» («Большая картина»); в 2017 году состоялась огромная ретроспектива в галерее Тейт.

В последний день я отправился из Руана в Круассе. Шел нормандский дождь, мягкий и плотный. То, что когда-то было отдаленной деревушкой на берегу Сены среди зеленых холмов, теперь находится в шумном районе доков. Стук коперов, нависающие краны, суетливая коммерция реки. От проезжающих грузовиков дребезжат окна неизбежного бара «Флобер».

Гюстав отмечал и одобрял восточный обычай сносить дома умерших; так что снос его собственного дома, вероятно, огорчил бы его гораздо меньше, чем его читателей и преследователей. Фабрика, гнавшая спирт из подпорченной пшеницы, тоже была снесена в свой срок; и на этом месте теперь стоит большой бумажный завод – что гораздо уместнее. Все, что осталось от жилища Флобера, – это маленький одноэтажный павильон в нескольких сотнях ярдов дальше по дороге: летний домик, в который писатель удалялся, когда ему нужно было еще больше одиночества, чем обычно. Сейчас домик выглядит заброшенным и бесполезным, но все же это лучше, чем ничего. Снаружи на террасе в память автора «Саламбо» установлен обломок колонны, откопанный в Карфагене. Я толкнул калитку; залаяла овчарка, подошла седовласая смотрительница. На этот раз не в белом халате, а в хорошо скроенной синей форме. Пока я разогревал свой французский, мне вспомнился символ ремесла карфагенских толмачей в «Саламбо»: у каждого на груди был вытатуирован попугай. Сегодня на коричневых запястьях игроков в шары красуется переводная картинка с портретом Мао.

В павильоне только одна комната, квадратная, с шатрообразным потолком. Она, как комната Фелисите, «напоминала и молельню, и базар». Здесь тоже можно было наблюдать это ироничное сочетание всякой всячины и серьезных реликвий, как во флоберовском гротеске. Предметы, выставленные для обозрения, были расположены так неудачно, что порой мне приходилось опускаться на колени, чтобы заглянуть в витрины: поза молящегося – но также и искателя сокровищ в лавке старьевщика.

Фелисите находила утешение в собрании случайных предметов, объединенных лишь привязанностью своей владелицы. Флобер делал то же самое – хранил мелочи с ароматом воспоминаний. Спустя годы после смерти матери он просил подать ее старую шаль и шляпу и усаживался с ними, чтобы немного помечтать. Посетители павильона в Круассе могут почти последовать его примеру – любой из небрежно выложенных экспонатов готов внезапно схватить вас за душу. Портреты, фотографии, глиняный бюст; трубки, табакерка, нож для разрезания конвертов; чернильница в виде жабы с открытой пастью; золотой Будда, который всегда стоял на столе писателя, но никогда его не раздражал; прядь волос – естественно, светлее, чем на фотографиях.

Легко пропустить два невзрачных экспоната в боковой витрине: стаканчик, из которого Флобер выпил свой последний глоток воды за несколько мгновений до смерти, и мятый белый платок, которым он вытирал лоб последним, может быть, в своей жизни движением. Столь обычный реквизит, не предполагающий рыданий и мелодрамы, заставил меня почувствовать себя так, будто я присутствую при смерти друга. Мне было даже неловко: я ничего не ощутил три дня назад, когда стоял на берегу, где погибли мои товарищи. Может быть, в этом преимущество дружбы с теми, кто умер давно: чувства к ним не ослабевают.

Потом я увидел его. На высоком шкафу сидел еще один попугай. Тоже ярко-зеленый. Тоже, согласно смотрительнице и табличке на насесте, тот самый попугай, которого Флобер позаимствовал из Музея Руана на время работы над «Простой душой». Я попросил разрешения снять со шкафа второго Лулу, поставил его осторожно на угол витрины и снял стеклянный купол.

Как сравнить двух попугаев, один из которых уже идеализирован памятью и метафорой, а другой – всего лишь крикливый самозванец? Сразу же мне показалось, что второй попугай выглядит менее аутентично, чем первый, в основном потому, что он казался более добродушным. Голова его сидела на туловище прямее, и выражение было не такое раздражающее, как у птицы из Отель-Дьё. А потом я понял всю фальшь этих рассуждений: Флоберу ведь не пред-

лагали нескольких попугаев на выбор; и даже этот второй попугай, хоть он и выглядел более приятным компаньоном, мог через пару недель начать действовать на нервы.

Я поделился со смотрительницей своими мыслями о подлинности попугая. Она, разумеется, встала на сторону своей птицы и уверенно отвергла претензии Отель-Дьё. Я размышлял, знает ли кто-нибудь точный ответ. Я размышлял еще, важно ли это кому-нибудь, кроме меня, столь поспешно придавшего такое значение первому попугаю. Голос писателя – кто сказал, что его так легко найти? Таков был упрек второго попугая. Пока я стоял и смотрел на, возможно, неподлинного Лулу, солнце осветило угол комнаты и заставило оперение сверкнуть яркой желтой искрой. Я поставил птицу на место и подумал: я сейчас старше, чем когда-либо был Флобер. Такая дерзость с моей стороны, так печально и незаслуженно.

Умирает ли кто-то вовремя? Только не Флобер; и не Жорж Санд, которая не дожила до того, чтобы прочесть «Простую душу». «Я начал эту вещь исключительно из-за нее, только чтобы доставить ей удовольствие. Она умерла, когда работа была в разгаре. Так разбиваются все наши мечты». Лучше ли не иметь ни мечты, ни дела, ни – потом – отчаянья незавершенной работы? Может быть, как Фредерику и Делорье, нам всем следовало бы предпочесть утешение несбывшегося: запланированный поход в бордель, удовольствие предвкушения и потом, годы спустя, не память о поступках, а память о прошлом предвкушении? Разве так не чище, не безболезненнее?

Когда я пришел домой, раздвоившиеся попугаи продолжали порхать в моем сознании, один из них приветливый и прямодушный, другой – нахальный и любопытный. Я написал письма разным ученым мужам, которые могли знать, была ли проведена должная идентификация попугаев. Я написал во французское посольство и редактору мишленовских путеводителей²⁷. Я также написал мистеру Хокни. Я рассказал ему о моей поездке, спросил, был ли он когда-нибудь в Руане и имел ли в виду кого-то из этих попугаев, когда создавал гравюру со спящей Фелисите. А если нет, то, может быть, он, в свою очередь, позаимствовал попугая из музея и использовал как модель. Я предостерег его насчет коварной склонности этих птиц к посмертному партеногенезу²⁸.

Я надеялся вскоре получить ответы.

²⁷ ...редактору мишленовских путеводителей. – Французская компания «Мишлен» (Michelin) – один из двух крупнейших производителей автомобильных шин в мире. С 1900 года выпускает путеводители по ресторанам и гостиницам (в обложках красного цвета). Система «звезд», применяемая в мишленовских путеводителях, – самый престижный рейтинг в ресторанном бизнесе. С 1926 года публикуются путеводители по достопримечательностям, рассчитанные в основном на автомобилистов (с 1968 года это отдельная линейка – «Зеленые путеводители», в отличие от гастрономических «красных»). Достопримечательностям и городам тоже выставляются рейтинги: три звезды – «заслуживает отдельного путешествия», две звезды – «стоит сделать крюк», одна звезда – «интересно». Официальный символ компании – составленный из шин «мишленовский человек» по имени Бибендум (Bibendum).

²⁸ *Партеногенез* (от греческих слов «девственница» и «рождение») – тип размножения без оплодотворения. У позвоночных встречается крайне редко, хотя некоторые популяции ящериц в природе размножаются именно таким способом.

2. Хронология

I

1821 У Ашиль-Клеофаса Флобера, главного хирурга больницы Отель-Дьё в Руане, и Анны Жюстины Каролины Флобер, урожденной Флерио, рождается второй сын, Гюстав. Эти люди принадлежат к зажиточному среднему классу; семья владеет несколькими поместьями в окрестностях Руана. Стабильная, просвещенная, доброжелательная и в меру амбициозная среда.

1825 В семейство Флобер поступает на службу Жюли, няня Гюстава; она останется в семье до самой его смерти пятьдесят пять лет спустя. На протяжении всей жизни у Флобера почти не будет проблем, связанных со слугами.

Прибл. 1830 Знакомится с Эрнестом Шевалье, первым из своих близких друзей. Тесная, верная и плодотворная дружба связывала Флобера со многими людьми и поддерживала его на протяжении всей жизни; особо следует отметить Альфреда ле Пуатевена, Максима Дюкана, Луи Буйе и Жорж Санд. Гюстав легко заводит друзей и обращает на них нежную, порой насмешливую заботу.

1831–1832 Поступает в Коллеж де Руан, где проявляет себя как сильный ученик с большими способностями к истории и литературе. Самое раннее из дошедших до нас произведений, эссе о Корнеле, датировано 1831 годом. В подростковые годы он сочиняет множество драматургических и прозаических произведений.

1836 Знакомится в Трувиле с Элизой Шлезингер, женой владельца немецкого музыкального издательства, и воспаляется к ней «огромной» страстью. Эта страсть озаряет остаток его отрочества. Элиза обращается с ним ласково и нежно; они продолжают общаться на протяжении следующих сорока лет. Оглядываясь назад, он испытывает облегчение оттого, что страсть не была взаимной: «Счастье – как сифилис: если заразиться слишком рано, оно может всерьез подорвать здоровье».

Прибл. 1836 Сексуальная инициация Гюстава с одной из служанок матери. Это начало богатого и пестрого эротического пути – от борделя до салона, от мальчика-банщика из Каира до парижской поэтессы. Молодой Гюстав очень привлекателен для женщин, и его сексуальные силы восстанавливаются, по его собственному свидетельству, с удивительной быстротой; но и в зрелые годы его благородные манеры, ум и слава обеспечивают ему внимание противоположного пола.

1837 Первая публикация, в руанском журнале «Колибри».

1840 Сдает экзамены на степень бакалавра. Путешествует по Пиренеям с другом семьи, доктором Жюлем Клоке. Флобера часто считают отшельником и домоседом, но на самом деле он много путешествует: в Италию и Швейцарию (1845), Бретань (1847), Египет, Палестину, Сирию, Турцию, Грецию и Италию (1849–1851), Англию (1851, 1865, 1866, 1871), Алжир и Тунис (1858), Германию (1865), Бельгию (1871) и Швейцарию (1874). Сравните с жизнью его альтер эго Луи Буйе, который мечтал о Китае, но не выбрался даже в Англию.

1843 Учится юриспруденции в Париже, знакомится с Виктором Гюго.

1844 Первый эпилептический припадок ставит крест на юридических штудиях в Париже; Гюстав оказывается привязан к новому семейному дому в Круассе. Впрочем, прощание с правом его не очень тревожит, а поскольку затворничество приносит уединение и стабильность, необходимые для писательской жизни, случившееся в конечном счете идет ему на пользу.

1846 Знакомится с Луизой Коле («Музой») и вступает в свою самую знаменитую связь: долгую, страстную, бурную, двухчастную (1846–1848, 1851–1854). Гюстав и Луиза не подходят друг другу по темпераменту и несовместимы по эстетическим взглядам, но их союз длится дольше, чем можно было бы предположить. Жалеть ли нам о том, что этот роман окончился? Только потому, что на этом иссяк поток великолепных писем Гюстава к Луизе.

1851–1857 Написание, публикация, процесс и триумфальное оправдание «Госпожи Бовари». *Succès de scandale*²⁹, удостоившийся похвалы столь разных писателей, как Ламартин, Сен-Бев и Бодлер. В 1846 году, сомневаясь в своей способности написать что-либо достойное публикации, Гюстав заявил: «Если в один прекрасный день я явлюсь миру, то в полных доспехах». И вот его кирасы сверкают, а копьё разит повсюду. В Кантеле, деревне по соседству с Круассе, местный кюре запрещает своим прихожанам читать роман. После 1857 года литературный успех естественным образом порождает успех в обществе: Флобера чаще видят в Париже. Он знакомится с Гонкурами, Ренаном, Готье, Бодлером и Сен-Бевом. В 1862 году у Маньи учреждается традиция литературных ужинов; с декабря того же года Флобер постоянно в них участвует.

1862 Публикация «Саламбо». *Succès fou*³⁰. Сен-Бев пишет Мэтью Арнольду: «„Саламбо“ – это наше великое событие!» Роман вдохновляет несколько тематических костюмированных балов в Париже и название нового сорта птифуров.

1863 Флобер начинает посещать салон принцессы Матильды, племянницы Наполеона I. Медведь из Круассе примеряет на себя шкуру светского льва. По воскресеньям, после полудня, он принимает у себя. В том же году он впервые обменивается письмами с Жорж Санд и знакомится с Тургеневым. Дружба с русским романистом отмечает начало всеевропейской известности Гюстава.

1864 Представлен Наполеону III в Компьене. Вершина светского успеха Гюстава. Он посылает камелии императрице.

1866 Кавалер ордена Почетного легиона.

1869 Публикация «Воспитания чувств»; Флобер всегда утверждал, что это его шедевр. Несмотря на легенды о героической борьбе (которые он сам подпитывает), сочинительство дается Флоберу легко. Он много жалуется, но эти жалобы мы находим в удивительно легких и блестящих письмах. На протяжении четверти столетия он выпускает большие, серьезные книги, в которые вложен глубокий исследовательский труд, с интервалом в пять – семь лет. Он может терзаться над каким-то словом, фразой, ассонансом, но у него не бывает творческих кризисов.

1874 Публикация «Искушения святого Антония». Несмотря на необычность, книга пользуется коммерческим успехом.

1877 Публикация «Трех повестей». Успех у критиков и публики: впервые «Фигаро» публикует положительную рецензию на Флобера; за три года книга выходит пятью изданиями. Флобер начинает работу над «Буваром и Пекюше». В эти его последние годы новое поколение литераторов признает его первенство среди французских романистов. Его почитают и чествуют. Его воскресные приемы становятся важными событиями литературной жизни; к Мастеру приходит познакомиться Генри Джеймс. В 1879 году друзья Гюстава учреждают ежегодные «Обеды святого Поликарпа» в его честь. В 1880 году пятеро соавторов «Меданских вечеров»³¹, включая Золя и Мопассана, преподносят ему экземпляр книги с автографами; этот дар можно считать символическим поклоном Натурализму Реализму.

²⁹ Succès de scandale – скандальный успех (фр.).

³⁰ Succès fou – сумасшедший успех (фр.).

³¹ «Меданские вечера» (*Les Soirées de Médan*) – сборник из шести рассказов разных писателей, связанных с движением натурализма (1880). Все произведения затрагивают тему Франко-прусской войны. Самый известный рассказ сборника – «Пышка» (*Boule de suif*), принесший широкую известность Ги де Мопассану.

1880 Почитаемый, всеми любимый, не переставший работать до конца своих дней, Гюстав Флобер умирает в Круассе.

II

1817 Смерть Каролины Флобер (в возрасте полутора лет), второго ребенка Ашиль-Клеофаса Флобера и Анны Жюстины Каролины Флобер.

1819 Смерть Эмиль-Клеофаса Флобера (в возрасте восьми месяцев), их третьего ребенка.

1821 Рождение Гюстава Флобера, их пятого ребенка.

1822 Смерть Жюль-Альфреда Флобера (в возрасте трех лет пяти месяцев), их четвертого ребенка. Его брат Гюстав, рожденный *entre deux morts*³², слаб здоровьем; все считают, что он не жилец. Доктор Флобер покупает для семьи участок на *Cimetière Monumental*³³; для Гюстава там заранее выкапывают маленькую могилку. Как ни странно, ребенок выживает. Он оказывается медлительным, может часами сидеть, засунув палец в рот, с выражением лица «почти бессмысленным». Для Сартра он – «идиот в семье».

1836 Начало безнадежной, навязчивой страсти к Элизе Шлезингер, которая ожесточает сердце Гюстава и лишает его возможности когда-либо испытать истинную любовь к другой женщине. Оглядываясь назад, он записывает: «У каждого из нас есть в сердце королевская спальня; я свою замуровал».

1839 Исключен из руанского коллежа за дурное поведение и непослушание.

1843 Юридический факультет Парижа объявляет результаты экзамена за первый курс. Экзаменаторы выражают свое мнение при помощи красных или черных шаров. Гюстав получает два красных и два черных шара; экзамен провален.

1844 Первый эпилептический припадок; за ним последуют другие. «Каждый припадок, – напишет позже Гюстав, – похож на кровотечение нервов. Как будто душу вырывают из тела – невыносимо». Ему делают кровопускание, дают пилюли и отвары, сажают на особую диету, запрещают алкоголь и табак; необходим режим строгого ограничения и материнской заботы, а не то придется занять давно заготовленное место на кладбище. Не успев выйти в большой мир, Гюстав покидает его. «Так тебя охраняют, как девицу?» – не без оснований дразнит его позже Луиза Коле. В течение всей его жизни, за исключением последних восьми лет, госпожа Флобер неотступно печется о его благе и визирует все его передвижения. Постепенно, на протяжении нескольких десятилетий, мать становится более немощной, чем сын: к тому времени, как он почти перестает быть для нее источником беспокойства, она оказывается для него обузой.

1846 Смерть отца и вскоре после нее – смерть любимой сестры Каролины (в возрасте двадцати одного года); Гюстав становится чем-то вроде приемного отца для племянницы. Всю жизнь он испытывает удары судьбы в виде смерти близких. Но друзья могут умирать и по-иному: в июне женится Альфред ле Пуатевен. Гюстав воспринимает это как третью трагедию за год. «Ты делаешь нечто ненормальное», – жалуется он. Максиму Дюкану в этом году он пишет: «Слезы для сердца – то же самое, что вода для рыбы». Можно ли считать утешением встречу с Луизой Коле в том же году? Педантизм и упрямство плохо сочетаются с невоздержанностью и собственническим инстинктом. Через каких-то шесть дней после того, как она стала его любовницей, модель их отношений уже устоялась. «Обуздай свои вопли! – пеняет он ей. – Они меня терзают. Чего ты хочешь? Что мне, бросить все и поселиться в Париже? Невозможно». Эти невозможные отношения тем не менее продолжаются восемь лет. Луиза, как ни странно, неспособна понять, что Гюстав может любить ее и при этом никогда не хотеть с ней увидеться.

³² ...entre deux morts... – между двух смертей (фр.).

³³ Cimetière Monumental – Монументальное кладбище (фр.), главное кладбище Руана.

«Если бы я был женщиной, – пишет он шесть лет спустя, – я бы не хотел себя в любовники. Интрижка – да; но близость – нет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.